

Ветер на дальнем склоне горы бушевал не на шутку, и вода на соляных полях выпарилась уже наполовину. На поверхности белела тонкая корка кристалликов — эта соль получалась чистой, почти без примесей, и её можно было сразу пускать в пищу. Средний и нижний слои ещё не отстоялись; когда вода уйдёт окончательно, соль перемешается с глиной и пылью, так что сгодится разве что для скота.

Небо затянуло свинцом тяжёлых туч, порыв ветра принёс густую влажную сырость. Сюй Шуанцы торопливо собрал верхнюю корку и спешно спустился с кручи.

Возле холма осталась незакрытая куча дров. Намокнут — потом не разжжёшь. Сюй Шуанцы как раз собирался накрыть их до дождя, но на полпути раскатился оглушительный сухой треск.

Гром расколол небо.

Сюй Шуанцы обомлел, сердце замерло на мгновение. Переведя дух и вспомнив наказ Цина, он прибавил шаг, почти перебегая на спуск.

Но дойти он не успел: хлынул стеной проливной дождь. Сюй Шуанцы, застигнутый врасплох, вымок за считанные секунды. Пещер поблизости не водилось, так что пришлось подобрать крепкую корягу и, опираясь на неё, скользить вниз по размокшей тропе.

Ливень сбил листву и поднял в лесу густую водяную морось, погрузив чащу в сумерки. Нашупывая знакомый путь, Сюй Шуанцы остушился: глинистая земля ушла из-под ног, и он полетел тормашками.

Поднявшись и отряхивая липкую грязь с ладоней, он хмыкнул про себя:

«Надо же, сколько испытаний ради щепотки соли».

Сквозь пелену дождя мелькнул мощный белый силуэт. Сюй Шуанцы смахнул с лица воду и прищурился.

— Цин...

Оборотень мгновенно оказался рядом. Подхватив юношу хвостом, Цин сходу подбросил его себе на загривок.

— Держись крепче.

Сюй Шуанцы уткнулся лицом в вымокшую густую шерсть и сжал объятия на его шее. Ветер и потоки воды свистели в ушах, но не прошло и пары мгновений, как они уже очутились в сухости пещеры.

Сюй Шуанцы опустился у костра, дрожа всем телом. Снова заболеть хотелось меньше всего, поэтому он без колебаний сбросил промокшую шкуру. Тут же сзади на его плечи накинули сухой, тёплый мех. Натянув его поплотнее, юноша обернулся и услышал, как Большой Кот громко чихнул.

— Цин?

— Всё в порядке, — буркнул тот.

Зверь отряхнулся, пустив водяную пыль, и уселся рядом погреться. Едва пузо просохло, Цин загреб юношу к себе, пряча в мягком ворсе. Покрывало соскользнуло, и Сюй Шуанцы не успел его подхватить, обнажив плечи и грудь. Его светлая кожа казалась почти фарфоровой в свете очага.

Цин на миг замер, затем нагнулся и шершавым языком провел по его плечу, поднялся к затылку, вылизывая влажные пряди.

— Щекотно... — Сюй Шуанцы вздрогнул и со смехом уткнулся носом в шерсть оборотня.

— Тебе нельзя болеть, — Цин подтянул соскользнувшую шкуру и осторожно взъерошил его волосы у огня, помогая им высохнуть.

— Да я совсем немного под дождем пробыл, обойдется, — неуверенно пробормотал Сюй Шуанцы.

— Когда купался, тоже «немного» пробыл.

Сюй Шуанцы предпочёл промолчать: возразить на это было нечего.

Снаружи бушевал грозовой шквал. Казалось, небо упало на землю. Ревущий ветер раскачивал исполинские деревья, ломая ветви с жалобным треском. Прижавшись к тёплому боку тигра, Сюй Шуанцы слушал этот раскатистый гул и в очередной раз поражался суровости дикого мира. Он закинул голову; отросшие пряди соскользнули с лба, открывая бледное, худенькое лицо.

— Здесь всегда такие дожди?

Цин уткнулся влажным носом ему в лоб и тихо ответил:

— Не часто. Долго не было дождей, вот и прорвало.

Огромные лапы удерживали его словно в коконе. Сюй Шуанцы с трудом извернулся, уложив голову на переднюю лапу Цина. Свернувшись калачиком, он прижал ладони к его широкой груди, а стопами уткнулся в теплый живот. От жара огня и шерсти углы его глаз покраснели.

— А паводки здесь бывают?

— Бывают.

Сюй Шуанцы спросил просто так, но от лаконичного ответа вздрогнул.

— И насколько высоко поднимается вода?

— До входа.

— Значит, и пещеру затопит?!

Цин окинул взглядом его вспыхнувшие от волнения уголки глаз и снова лизнул. Кожа разругивалась ещё сильнее.

— Пещеру не зальет.

— А как же мы выберемся? — В глазах Сюй Шуанцы читался искренний страх: казалось, приход воды равен смерти.

Цин легким движением лапы снова уткнул его лицом в шерсть и лениво качнул хвостом.

— Придется уйти в другую пещеру.

— Перебраться в другое место? — глухо донеслось из густого меха. — И когда? Куда мы пойдем?

— Как потеплеет, уйдем в глубь нашей территории.

Сюй Шуанцы замер, выплевывая случайно попавшую в рот шерстинку. Он-то думал, что они так и останутся в этом жилище насовсем.

С трудом подложив ладонь под подбородок, чтобы защититься от лезущего в рот ворса, юноша спросил:

— И сколько проплетётся эта буря?

— Дней пять или шесть.

Цин ощутил, как напрягшееся было тело в его объятиях вдруг обмякло. Ослабив хватку, он приоткрыл глаза и взглянул на Сюй Шуанцы: тот выглядел совсем поникшим, словно подмороженная трава.

— Еды хватит, — успокоил зверь.

— Да я не о еде... Кувшины для Племени Кошек теперь не обжечь! А я так хотел поскорее получить семена.

— Не спеши, — Цин накрыл его голову тяжелой лапой; веки его уже слипались. — Главное — наберись сил.

Вспомнив, с какими трудами Цин привел к нему Жреца, Сюй Шуанцы кивнул:

— Понимаю.

Сюй Шуанцы хотел было добавить что-то еще, но почувствовал, как тяготеющая на его затылке лапа соскользнула. Он поднял взгляд.

Цин уже уснул. Огромная усатая голова покоилась на подстилке; отдельные пряди ещё не высохли и слиплись, а изумительные ледяные глаза скрылись за пушистыми веками.

Оборотень вымотался. За всё время их знакомства Сюй Шуанцы впервые видел его настолько обессиленным. Юноша поджал губы.

Цин опекал его искренне и беззаветно. Если вдуматься, он во всем потакал ему — разве что кроме случая, когда тот занемог. Да и когда Сюй Шуанцы распускал руки и трогал то, что не следует, Цин ворчал лишь для вида, уже после того, как тот добивался своего. И чем он ещё недоволен? Цин ведь даже предложил ему стать его партнёром. Пусть союз человека и зверя звучит дико, но намерение-то было самым чистым. Проживут день за днём — а там видно будет, кто знает, что принесёт будущее?

Эта мысль принесла долгожданное облегчение, и тяжесть на душе растворилась. Прижавшись к груди оборотня, Сюй Шуанцы почувствовал, как веки наливаются свинцом, и сладко заснул.

Когда он проснулся, за порогом всё так же шумел дождь. За козырьком пещеры царил полумрак, похожий на ранние сумерки. День едва миновал середину. Вспомнив, что Цин остался без завтрака, Сюй Шуанцы поднялся и заложил в глиняный горшок сочные куски мяса, щедро сдабривая их Сладким Корнем, чтобы бульон получился наваристым и без лишней жирности.

Пока варево булькало на огне, юноша подошёл к спящему коту. Он провел рукой по подшерстку на спине — шерсть под верхним слоем уже просохла. Цин даже не пошевелился. Вспомнив про недавний чих, Сюй Шуанцы подтянул меховую шкуру и заботливо укрыл его: после проливного дождя легко простудиться.

В соседнем гроте он отыскал сушеные травки, собранные ранее, и поставил завариваться в небольшом горшочке. Часа через два мясной отвар дошел до готовности. Видя, что Белый Тигр всё еще спит, юноша сперва сам немного поел. Когда суп остыл до приятного тепла, Сюй Шуанцы присел рядом и слегка потербил Цина за ухо.

— Поднимайся, пора поесть.

Кончик хвоста дрогнул — Цин проснулся. Сюй Шуанцы собрался было отступить, но гибкий хвост мгновенно захлестнул его за талию и втянул под шкуру.

— Цин?! — лицо юноши снова уткнулось в густой ворс.

Оборотень лишь сгреб его в охапку, смежил веки и снова погрузился в сон. В дождливую погоду спится особенно сладко. Да вот только Сюй Шуанцы уже выпался.

Разглядывая перед собой белоснежную шерсть, он провел по ней ладонью — на пальцах осталось несколько волосков. Верно говорят, все кошки линяют. Юноша осторожно потянул за выпавшую прядку, и в руке оказался целый пучок пуха. Скатав его между ладонями, он получил маленький шарик. Посчитав его слишком куцым, Сюй Шуанцы принялся потихоньку собирать лишний пух по всему телу Цина. Вскоре пушистый комочек разросся размером с небольшое яблоко.

Оглядевшись, юноша дотянулся до костяной иглы, лежавшей в плетеной корзинке, и принялся увлеченно свойлачивать шерсть. Сравнив полученный шар с массивными подушечками лап Цина, он решил добавить ещё пуха. К середине дня пушистый шар вымахал с хорошую дыню.

Осторожно раздвинув лапы Большого Кота, Сюй Шуанцы уложил готовую игрушку аккуратно между ними и начал тихонько высвобождаться.

Не успел он отползти и на метр, как до ушей донесся едва слышный треск. Сюй Шуанцы замер. Спустя секунду послышались еще два клика. Ухо Цина прыгнуло, и он, не открывая глаз, пробормотал:

— Яйца.

— Проклюнулись?! — Сюй Шуанцы в мгновение ока вскочил на ноги.

Откинув шкуру возле очага, он увидел, что скорлупа на двух яйцах пошла трещинами. Из

надлома одного уже выглядывал крошечный острый клювик, совсем как у цыпленка.

Пощелкивание становилось громче, и Сюй Шуанцы опустился на корточки, не сводя глаз с гнезда. Цин подогнал под себя подброшенный шерстяной шар и уткнулся в него подбородком, наблюдая за юношей. Он, конечно же, чувствовал, как субоборотень щиплет его шубу. Все равно пришла пора линьки, так что не жалко. К тому же субоборотням свойственно обустраивать гнездо из шерсти избранника, шить одежду или валять игрушки для детенышей... Раз уж его субоборотень — это Сюй Шуанцы, Цин был только рад.

Из шести оставшихся яиц Краснопёрого Зверя за день вылупились двое. Намокший пух быстро подсох у огня, превратившись в нежно-желтое пушистое облачко. Вылитые цыплята, только совсем малюсенькие! Сюй Шуанцы постелил на дно плетеной корзинки старый мех и бережно перенес туда птенцов.

— Чем их кормить?

— Червями да жуками.

— Пойду накопаю, — Сюй Шуанцы проходил мимо Цина и на ходу поласкал его чуткие уши. — А ты вставай, поешь и отвар выпей.

Юноша подбросил веток под котёл: нужно было лишь расплавить застывший жир, чтобы суп можно было пить. Цин проводил взглядом уходящего субоборотня, перевернулся на спину и, обхватив шерстяной шар передними лапами, принялся азартно пинать его задними. В мгновение ока во все стороны полетели пушистые клочки.

Заметив, что Сюй Шуанцы возвращается, Цин тут же прижал растерзанный ком обратно к подушечкам лап. Чихнув от выбитой пыли, он лениво потянулся и поднялся. Насытившись и кое-как проглотив горький отвар, он встретил юношу у входа.

Сюй Шуанцы первым делом покормил птенцов Краснопёрого Зверя, вымыл руки и посуду после обеда Цина. Налюбовавшись на новорожденных малышей и размявшись, они снова уложились спать. Однако всю ночь в тишине пещеры раздавалось тихое постукивание скорлупы. Сюй Шуанцы раз за разом подрывался проверить яйца, пока Цин, потеряв терпение, просто не прижал его тяжелой тушей к подстилке.

Юноша со вздохом уткнулся ухом в его бок.

— Ну не могу я спокойно лежать, когда совсем рядом стучат! И откуда только такой слух взялся? Каждый шорох слышу...

В темноте пламенно вспыхнули ледяные глаза оборотня. В них промелькнуло замешательство.

— Раньше не слышал?

— Да яйца же вон где лежат, а за стеной дождь тарабанит! Каким бы хорошим слухом я ни обладал, я ведь просто человек, — Сюй Шуанцы сперва обрадовался первому птенцу, но теперь эти бесконечные звуки начинали утомлять.

Однако Цин уловил лишь одно слово.

«Человек»?

Разве человек... отличается от оборотня?

<http://bllate.org/book/20124/1993008>